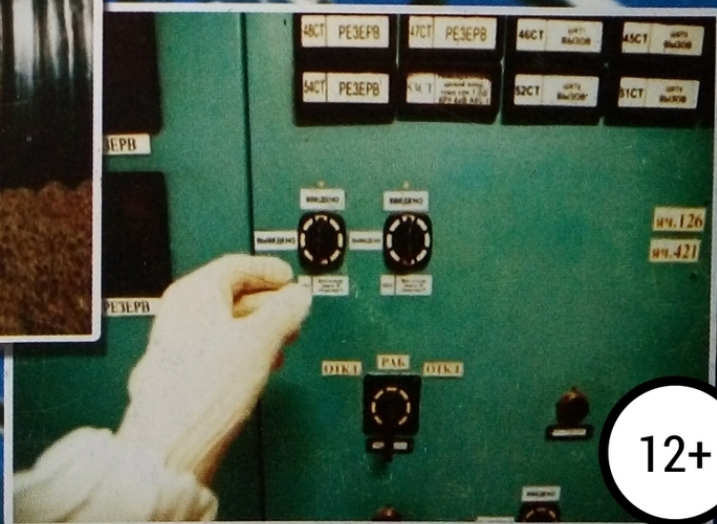

Александр Головки

БЕЛОУГОЛЬСКИЙ СВЕТ

12+

Александр Головки
Белоугольский свет

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Головко А. В.

Белугольский свет / А. В. Головко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Очень жаль, что многие стали забывать о том, как жили при свечах и лучинах наши деды и прадеды. Потому-то я и обратился к истории зарождения, становления электроэнергетики как явления, всколыхнувшего когда-то Россию и весь мир. Книга повествует о первой ГЭС на юге страны, написана особыми стилистическими приемами. Не смотря на документальность многих событий, история изложена также с элементами художественного вымысла. Написана в смешанном жанре: стихами и прозой. Кульминационный раздел посвящен ВОВ и ее героям, кто работал, воевал, а потом восстанавливал ГЭС .

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

СКАЗАНИЕ и ОЧЕРК

Посвящается первопроходцам отечественной энергетики

Я этот гимн пою сегодня
Всем людям, давшим миру свет!
Живут пусть в памяти народной
Дела и добрый их завет.

Несколько слов к читателю

Спросите любого: где и когда у нас России построена первая гидроэлектростанция? Даже местные жители, особенно нынешнее поколение, не всегда ответят на эти вопросы.

Значение такого события не может померкнуть с течением времени, поскольку в истории человечества появление электричества стало настоящей революцией, новым шагом в техническом прогрессе.

Чтобы жить и развиваться дальше, надо помнить о своём прошлом. Очень жаль, что многие стали забывать о том, как жили при свечах и лучине наши деды. Потому-то я и обратился к истории зарождения, становления электроэнергетики как явления, всколыхнувшего когда-то Россию и весь мир.

Но прежде, чем мы углубимся в наше увлекательное путешествие, хочу выразить благодарность моей добровольной помощнице – Людмиле Ефимовне Телиженко за помощь в сборе фактов и документов, в организации встреч с людьми, причастных к теме во время сбора информации для книги. Она – из когорты энтузиастов, которые любят свой край, свой родной посёлок Белый Уголь, достойный, чтобы все знали его необыкновенную историю.

В 2011 году была издана книга «Страна любви и расставаний», в неё впервые включено сказание «Белоугольский свет». Издана книга небольшим тиражом, это не вполне удовлетворило запросы читателей, библиотек, школ, музеев. Земляки хорошо приняли книгу, она вполне исторична, герои настоящие, но есть элементы и художественного вымысла. Надеюсь, книга станет полезной и подрастающему поколению горожан и края, в это издание добавлена ещё одна глава.

В ней рассказывается ещё об одной замечательной династии – Мищенко, также связанной с работой и историей гидроэлектростанции.

Книга пополнилась фотодокументами, рисунками.

Есть одно обстоятельство, которое меня тревожит: не обо всех потенциальных героях, работниках ГЭС, мне удалось рассказать. Наверняка найдутся те, кто также работал на ГЭС, их родственники, помнящие и хранящие документы тех достославных времён и событий. Но, к сожалению, всё охватить невозможно, как не объять необъятное...

Возвратиться к данной теме меня подтолкнуло и то, что здание бывшей ГЭС по-прежнему не функционирует в качестве музея, хотя по документам считается музеем-памятником федерального значения. Вновь активные действия общественности заострили данную проблему. Подведомственное подчинение музея создаёт его некую закрытость, недоступность для посещения школьниками, отдыхающими города-курорта. Общественность Белоугольского района в тревоге по этому поводу, ведь бывшая ГЭС являлась своего рода некоей градообразующей единицей, вокруг которой вырос и посёлок и поколения людей, коим дорогá история посёлка и ГЭС. Здесь учились их дети в школе № 12. Работники ГЭС уходили на фронт, возвращаясь с войны, восстанавливали гидроэлектростанцию.

Ныне же прямые наследники ГЭС – энергетики руководствуются какими-то своими интересами, равнодушно взирая на судьбу первенца гидростанций на юге России, фактически обрекая её на забвение...

Об этом и другом я попытался размышлять в очерке, в конце этой книги.

**Следуя традициям
русской прозы и поэзии**

(Слово коллеги о творчестве автора)

«Белоугольский свет» – сказание в стихах и очерк «Несущие свет» об одном и том же: зарождении электроэнергетики в России, первой на юге гидроэлектростанции на реке Подкумок, о людях, которые её строили, и о тех, кто продолжал традиции своих легендарных предшественников.

Автор поднимает редкий исторический пласт, обнажает проблемы, возникшие перед современным поколением.

Очерк, в котором автор прослеживает судьбы героев, служивших своему Отечеству, написан очень интересно и читается легко. Разумно ли сочетание поэзии и прозы? Для пользы дела всё разумно. Наши земляки во время Великой Отечественной войны били и гнали с родной земли фашистов. Немецкие лагеря – Освенцим, Дахау – стали для одного из героев настоящим адом. Сильный духом, он выстоял, вернулся на Ставрополье, на родную Белоугольскую ГЭС, а тут – новые испытания...

У каждого художника слова – свой неповторимый язык и способы его выражения. У автора данного произведения, безусловно, есть свой почерк, который трудно спутать с другими. Он находит свои образы и приёмы.

Николай Заболоцкий говорил, что сердце поэзии – в её содержательности. Удалось ли Александру Головки окунуть читателя в героическое время начала XX века? Думаю, удалось: автор применил стилистический приём, как у Николая Заболоцкого, у которого в поэме «Торжество земледелия» литературные герои – домашние животные разговаривают на человеческом языке, спорят с человеком. Увидев выползающий трактор, символ обновлённой эпохи, падают наземь, побеждённые. Но это только похожий приём, а средства выражения у автора свои, оригинальные и интересные.

В поэме Александра Головки агрегат произносит монолог, трамвай поёт, а река спорит с человеком.

Мы становимся свидетелями, как река в запальчивости сравнивает себя с необъезженной лошадкой:

Ты не взнуздаешь вольную реку...

Но через некоторое время, оправдывается:

*Чудно', и мне не верилось в успех,
Но усмирить пришлось лихую удаль...*

Заметьте, побеждённая река не таит в себе злости поверженного, а торжественно произносит:

*Что ж, как река, и я теперь горжусь
Своим трудом...*

И человек, выйдя победителем из этого спора, не старается подчеркнуть своё интеллектуальное превосходство, а просто говорит, как об общей победе:

Ты прав, это был наш совместный успех...

Трамвай имеет также своё суждение о жизни и людях и с гордостью повествует о героях прошлого, как о добрых знакомых:

*Мне помнятся двадцатые года:
На поезде, проехав пол-Росси,
Пленён Кавказом, прибывший сюда
Стихи читал поэт Сергей Есенин.*

Трамвай ставит во главу угла полезную деятельность:

*Ну, всё, друзья, мне больше недосуг
Звенеть без толку – надобно трудиться,
Сейчас я поверну на новый круг,
Стальнойю понесусь по рельсам птицей.*

И агрегат, произнося монолог, выражает в нём апофеоз человеческому труду:

*Мудрёным словечком я назван когда-то:
Электромотором, стальным агрегатом.
Рождённый в начале двадцатого века,
Я сердце стальное вручил человеку.*

В рассказе ессентукского ветерана:

*...А провода,
Оборванные, висли. И в разрухе,
Как призраки, стояли города,
Чернели окна, как глаза больной старухи...*

Или такое сравнение о незваных завоевателях:

Враг, как хищник на привале...

Автор обращает внимание читателя на общую беду послевоенного времени, которая видна даже по косвенным признакам на деревьях:

Затягивали раны тополя...

Здесь тополь ассоциируется с израненным солдатом, постепенно залечивающим свои раны.

Приборы у автора «салютуют» в день открытия ГЭС, столбы «шагают» к городам-курортам, чтобы донести людям свет.

В сказании «Белоугольский свет» литературные герои, олицетворяющие природу и конфликтующие с человеком, в конечном счёте оказываются побеждёнными. Но после этого не враждуют с тем, кто одержал над ними победу, не таят злобу, а начинают сотрудничать с ним. В этом отношении поэма имеет созидательный характер.

А сам человек в поэме – это торжествующий победитель? Нет. Это было бы слишком прямолинейно и исторически неверно.

Существуют моменты, когда между людьми возникают разногласия, в этом отношении показателен такой пример, где автор рисует сцену ухода казаков со стройки:

- *Куда вы, ребята? А стройка, а шлюз?*
- *У нас сенокос, извиняйте, не можем...*

Но из любой на первый взгляд безвыходной ситуации всегда можно найти выход, что и делает руководитель стройки Самуил Фридман.

Встречаются в поэме и любовные коллизии, есть и взаимоотношения человека с окружающей действительностью. В этом смысле третья часть сказания «Сквозь пламя ада» является кульминационной, её герой Василий Лягушов, попавший в плен к фашистам, ради любви к жене Татьяне, ради любви к Родине, к милым сердцу местам трижды совершает побег из лагерей. Вопреки всем жизненным перипетиям возвращается домой и вместе с народом восстанавливает взорванную электростанцию.

Несмотря на конфликты героев, поэма остаётся светлой, в ней торжествует всепобеждающий труд. «Да будет свет!» – восклицает Человек на открытии гидроэлектростанции.

Поэма заканчивается хорошо, читается легко, она пронизана безграничной любовью автора к героям, к тем местам, где происходили события, к труду во благо человека.

*Евгений Зимин,
член Союза писателей России*

Пара лирических отступлений

Светлячок

«Светить всегда,
Светить везде...»
Владимир Маяковский.

Я помню странные создания
В ночи – горящих светлячков,
Как из другого мироздания, –
Из детства маленьких жучков.
Они, как лунные осколки,
Сияньем фосфора в ночи
Меня сбивали в поле с толку,
Рассыпав золота лучи.
Искал я их, поймать пытаюсь,
Лелея мысли в голове,
Как по команде – «отключаясь»,
Терялись вдруг в густой траве.
Я бегал, по полю метался,
Казалось, вот ещё чуть-чуть –
Огонь забьётся вихрем танца
В ладони, освещая путь!
Своей энергией живую
Восторг и страх внушали мне.
И зыбкой сказкой огневою
Вновь пропадали в тишине...

Мне с горки город в отдаленье
Казался скопом светлячков,
Он отражался звёзд свеченьем
Миров – неведомых зрачков,
Где в бесконечном полумраке
Блуждала в Космосе Земля...
Электростанцию, однако,
На ней придумали не зря.
Неоном мир из мглы явился,
Неся в пространство жизни свет,
Сам Бог, наверно б, удивился
Земле, чей светел силуэт...

Я этот гимн пою сегодня
Всем людям, давшим миру свет!
Живут пусть в памяти народной
Дела и добрый их завет!

Живой след истории

Царь-просветитель *¹ подписал Указ,*²
Который стал развития основой
Курортов, чтоб всегда служил Кавказ
Для нужд и благ Отечества родного.
Была война, кровавая вражда.
Ермолов грозный,*³ горцев умирняя,
Мир насаждал в селенья, города,
К России приобщив богатства края.
С времён седых нашествия орды,
От путников иных известно было
О свойствах чудодейственной воды,
Полезности, целительности, силе.
Гааз,*⁴ Нелюбин*⁵ прибыли сюда,
Нарзана изучить природный фактор...
Толчок развитию курортам дал
Никифораки*⁶ – мудрый губернатор.
К познанию электричества шла мысль
Ещё от Ломоносова, Петрова.
И Яблочков, и Фарадей взялись
Весомое сказать в науке слово...

¹ Александр I (1777–1825 годы) слыл за деяния свои царём-просветителем, благословенным.

² *Рескрипт Александра I о признании государственного значения Кавказских Минеральных Вод и необходимости их устройства от 24 апреля 1803 года.*

³ А. П. Ермолов – русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1818 год), и от артиллерии (1837 год), наместник на Кавказе (1816 – 1827 годы), Главноуправляющий в Грузии и командир Отдельного Кавказского корпуса.

⁴ Ф. П. Гааз – Московский доктор немецкого происхождения (1780 – 1853), летом 1810 года впервые открыл железно-водские и эссентуцкие минеральные источники. В Эссентуках его именем назван один из источников (Гаазо-Пономаревский).

⁵ А. П. Нелюбин – профессор Медико-хирургической академии С.–Петербурга (1785 –1858). В Эссентуках исследовал и дал номера более 20 источникам.

⁶ Н. Е. Никифораки (1838 –1904) – генерал-губернатор Ставропольской губернии с 1887 по 1904 г.г.

Прорыв пришёлся на двадцатый век:
От гальванических громоздких элементов
До гидростанций в руслах быстрых рек, –
Прогресс шёл в подкрепление аргументов.
И дело обрело желанный миг:
Свет на курортах вспыхнул. Так впервые
Сей дикий край, освоенный людьми,
Стал светочем, примером для России.

ЧАСТЬ I

Спор Человека с Подкумком

– Я – Человек, я двигаю прогресс,
И цель моя теперь в решение твёрдом:
Построить на реке Подкумок ГЭС
Для освещения городов-курортов!

Подкумок:

– А я – Подкумок, горная река.
Тебе ли, Человек, со мной тягаться?!
Бегу я с гор уж многие века
И не позволю в этот бег вмешаться.

Ты не взнуздаешь вольную реку –
Я сын Кумы,
брат Терека,
Кубани.
Бегу века, как лошадь на скаку,
И никому меня не заарканить.

Не укротить тебе мой гордый нрав,
И пусть я мал, но грозен в час разлива,
Не откажусь я от законных прав
И не умерю бег нетерпеливый!

* * *

Пугал Подкумок, злобно рокотал,
Летели чёрные по небу тучи,
И трепетал прибрежный краснотал
От плеска волн его холодных, жгучих...

Отхлынула Подкумка злость у ног
Пред Человеком. И, столкнувшись с кручей,
Умерил гнев – соперничать не смог
Он с волей человеческой могучей...

Человек(примирительно):

– Послушай, Подкумок, пора нам давно
Союз обозначить с тобою.

И действовать надо бы нам заодно,
Назначено так нам судьбою...

– Не зря же профессор наш друг Шателен,
Из Питера, как энергетик,
Расчёты готовил и тем повелел:
«Быть ГЭС на Подкумке!» И с этим
Был найден подрядчик, и дан был наказ
На месте учитывать всё до детали,
Курорты освоить, сюда на Кавказ
Спецов подобрав, из столицы послали.
Подобран десант и немного спустя
С равнин Украины к предгорьям Кавказа
Катил паровоз, от натуги свистя,
Свой путь освещая единственным «глазом»...
Строителей славных отправлен отряд
На поезде, Фридман возглавил их лично.
С ним ехали техники Ласман и Царт,
Механиком юноша был романтичный.
В пути компаньонам на память читал:
«Кавказ подо мною...» – немного с экстазом.
За Пушкиным Лермонтов гордо звучал
О Демоне грустном – легенды Кавказа.
Летел что к обители горной своей,
В объятья туманов вершин-исполинов,
В стихию ветров, и ущелий теней,
Где реки быстры, и прекрасны долины!
Как радужный сон, за окошком вагонным
Машук и Бештау – под небом бездонным.
Тут Синие горы, ласкаемы солнцем
Предстали строителям-первопроходцам...
«О, Синие горы, приветствую вас!» –
Вскричал Кулешов. – Здравствуй, древний Кавказ!
О славе твоей есть немало преданий,
Но всё, что увидели – сверх ожидань

* * *

И вот, по прибытии, выбрали место,
Промерили русло реки неизвестной.
Вздыхнул Кулешов, в мыслях думу храня:
«Когда-то Печорин загнал здесь коня,

Скакал он за Верой, настиг было, но
Надеждам свершиться, увы, не дано...
Нескладно он жил и неверно любил,
Любовь, как коня, здесь в ущелье сгубил.

Не зря – Провиденье, прости ты меня –
Загнал в этом месте Печорин коня...

Теперь, словно в память, в отместку судьбе,
Воздвигнем здесь первую ГЭС для людей!»

* * *

Чтоб строилась ГЭС на порогах реки,
В работники терские шли казаки.
На зов и с курортов подался народ,
И дело пошло потихоньку вперед.

Узнали: «Затеплиться в лампочках свет,
Тот свет ярче свечки и копоти нет!
Какое оно, электричество, будет?» –
Об этом судачили разное люди...

* * *

Из брёвен хатёнку срубили; её
Конторою сделали для инженера.
Из струганных досок мостили жильё
Монтажникам.
Кузню – таким же манером.

Склады и навесы. Вставал городок, –
Работа кипела умело на диво.
В верховье запруды воздвигли, проток
Копали, и здание ГЭС заодно возводили.

* * *

В стремленье невиданном будто сошлись
Учёная мысль и задор человека,
Прогрессом отринута тихая жизнь, –
Крутились «колёса» двадцатого века...

Тяжёлая поступь железных машин
Нависла эпохой больших потрясений.
В сознание умов век устои крушил,
Рождался из терний невиданный гений...

Подкумок (перебивая):

– Я помню вехи тех далёких дней,
Сюда нагрянул люд в одном порыве,
Пытаясь обуздать моих «коней»,
Оседливая бег нетерпеливо.

Приехал вдруг какой-то инженер
Из мест далёких с новым снаряженьем,
Ведь дело новое и здесь не до манер...
Построить ГЭС желал без промедленья.

Округу оценив наверняка,

У устья, где в меня впадает речка,
Название что дала Эссентукам...
Нашёл для ГЭС отличное местечко.

Под шум воды речной и птичий хор
Тут началось среди бела дня такое –
Звенели пилы, и стучал топор...
Ни мне, ни людям не было покоя!

Заметны стали станции черты.
Вот хлынула, все шлюзы заполняя,
С пятнадцатиметровой высоты
Вода реки, турбину разгоняя!

Сам не заметил, как втянулся я,
Меня и страсть и удаль захватили!
К делам людей, восторга не тая,
Я приобщался, покорён их силой.

Человек (подхватывая):
Лишь только рассвет над землёю всходил,
Наш Фридман, как ветер, мотался по стройке,
Людей ободрял, подгонял, теребил,
Везде успевал он, командуя бойко.

С бородкой, усами, опрятно одет,
Приветлив, и взгляд расположен к общению.
Корректен, воспитан, как интеллигент,
Но был непреклонен и быстр на решенья.

Но скорость решений была не во вред:
В нём такт, образованность, ум – сочетались,
Не зря был направлен на важный объект,
Здесь нужно просчитывать всё до детали...

Начальство тревожил, решал много дел,
Порой даже грубость сносил терпеливо.
О стройке он думал, о людях радел,
Вникая во всё сноровисто, сметливо.

Обед разделить мог в казачьем кругу,
Из глиняной чашки похлёбку отведать,
Из фляжки станичника выпить кваску,
Цигарку с ним выкурить после обеда.

А техники – Ласман и Царт, как в страду,
В казачьих рубахах и войлочных шляпах,
В костюмчиках старых из синего драпа
Монтаж проводили, трудясь на виду.

В разгаре работ приключился конфуз:
Домой казаки вдруг направили вожжи...
– Куда вы, ребята? А стройка, а шлюз?
– У нас сенокос, извиняйте, не можем...

Расстроился Фридман: уход казаков
Нарушил сложившийся, было, порядок.
С досады ругнулся, вздохнув глубоко:
«Искать где-то новых работников надо...»

Тогда по призыву с Расеюшки всей
Работники, плотники, слесари-доки
На стройку сошлись и к июлю, насев,
Ускорили дело, чтоб выдержать сроки.

По горным отрогам, лесам и садам
Столбы зашагали к соседним курортам –
Электроэнергия по проводам
Текла в города, будто кровь по артам.

Депо для трамваев и рельсовый путь.
Вокзал возведён был железнодорожный.
Не мог от забот Фридман ночью уснуть,
Стал чёрным, как смоль, от жары невозможной.

* * *

Кончали строительство, снят такелаж.
Приборы поставлены в зале машинном,
Где вёлся на свежий фундамент монтаж
Турбин, генераторов – люди спешили.

По-свойски ходили вокруг казаки,
Пытая начальство наивно, как дети:
«А будет ли свет в наших хатах, сынки?
Хоть вы, господин инженер, нам ответьте...»

Мешались детишки, повсюду снуя.
Он, глядя на них, отвечал у запруды:
«Устал объяснять я: конечно, друзья,
Мы свет вам дадим, электричество будет!»

* * *

И час наступил: слышен вод ровный гул,
Комиссия в сборе, на лицах решимость.
Мгновение – Фридман рукою взмахнул,
Задвижки открыл машинист и – свершилось!

Тот миг долгожданный, как чудо, пришёл.

И радость, как птица, отринув все беды,
Парила над залом. Воспрянув душой
Народ ликовал в достиженьи победы!

Немало затратили сил и труда,
Но ГЭС возвели – белый замок среди леса,
Чтоб свет рукотворный явился сюда,
Как символ грядущего в мире прогресса.

Когда многотонные маховики,
Чуть дрогнув, пошли, на валу засновали,
Приборы ожили, и с лёгкой руки
В щитках ярко лампочками засияли.

«Ура!» – закричали.
Но Фридман сказал:
«Не рано ли?» – сам улыбался при этом...
Конец испытаниям. Станции зал
Сиял в свете лампочек праздничным светом!

Подкумок (прерывая):

– Чудно, иным не верилось в успех,
Что и моя здесь пригодится удаль!
А казаки выпрашивают всех:
– А свет даёт вода, как «белый уголь»?
– Давайте назовём мы также ГЭС,
Что осветила наш «медвежий угол»!

Человек (соглашаясь):

– Ты прав, это был наш совместный успех.
Тогда Шателен, помню я, у моторов
Жал Фридману руку, поздравил при всех
Под аплодисменты, миганье приборов.

Мы молоды были, но мчались года,
Мой друг Кулешов (как стихи нам читал он!)
Женился, у ГЭС поселясь навсегда,
Сроднившись с Кавказом, о чём и мечтал он...

А Фридман, вошедший в историю ГЭС,
Как первостроитель, огнём негасимым
Оставивший след в энергетике здесь,
Уехал – просторы большие в России...

Умчался навеки, покинув Кавказ,
Хоть к первенцу сердце навек прикипело.
И слухи о нём не тревожили нас –
Нашёл, может, более важное дело...

Песня пятигорского трамвая

– Я пятигорский старенький трамвай,
Качу по рельсам вновь с привычной ношей –
Везу людей. И ты, брат, не зевай,
Входи в салон, прохожий, я подброшу!

Поедем в осень, в тихий листопад,
Что сказочно ложится и узорно,
Припасть к окну лист пятипалый рад,
Приветствуя ладошкой вас проворно.
Поеду по Февральской не спеша,
Метнётся ветер от стекла упруго.
Стоит народ, газетами шурша,
На остановках ждёт меня, как друга.

Кондуктор Клава – добрый ангел мой
Наполненный людьми салон обходит,
Приветствуя знакомых, а с одной
Беседу мельком на ходу заводит:

– Салют, Мария, как твои дела? –
Ну а сама билеты отрывает.
– Да вот я сына в школу собрала,
А вы всё так же – «капитан» трамвая?!

– Да, на колесах скоро двадцать лет
Верчусь, как уж, в толпе неугомонной,
Пора на отдых...
Оторвав билет,
Она проходит дальше по салону.

К вокзалу направляю свой маршрут,
Шуршат машины, «квакают» клаксоны,
Звонком даю приветственный салют!
Вагон битком, скрипят мои рессоры.

Иду проспектом. Встанет на виду
Взметнувшаяся стела-нержавейка
В честь ГЭС серпасто; звякну на ходу,
Будь славен труд, и подвиг человека!

Спешу, спешу по «Кирова» – вперёд!
До «Цветника» – народу, как из пушки...
Вот бюст Толстому, мне – за поворот.
Напротив в бронзе – Лермонтов и Пушкин.

По рельсам, как на лыжах, я бегу.
Иначе было раньше, говорили:
Здесь санный след искрился на снегу,

Пролётки летом вдоль домов пылили.

Людей вожу известных и простых,
И тех, и этих пестую, как ныне.
Прислушайтесь: с колёс моих литых
Выстукивают стыки чьё-то имя...

Когда-то здесь в двадцатые года,
На поезде, проехав пол-Росси,
Пленён Кавказом, прибывший сюда,
Стихи читал поэт Сергей Есенин.

У «Цветника», собрав толпу людей,
Кумир России новой, как на звоннице,
В стихах пророчил, что живых коней
Стальная побеждает «конница»...

Наш город – труженик,
люблю его в час пик,
Вожу людей по шумному курорту,
Спешащих на работу, на пикник,
На водопой к бюветному комфорту.

С пригорка дальше мчусь на всём ходу,
Сама история встаёт навстречу будто...
Сверну теперь в казачью слободу,
В Горячеводск по старому маршруту.

Тут узнаётся старый Пятигорск,
В казачьих мазанках и каменных строениях,
Под Машуком и под Бешту он рос,
С тех пор сменилось много поколений...

Но лучше, друг, в музее узнавай
О городе, его богатом прошлом.
Входи в салон, курортник, не зевай,
К заветной цели я тебя подброшу.

Рассказывать мне больше недосуг –
Звенеть без толку, надобно трудиться.
Сейчас я поверну на новый круг,
Стальнойю понесусь по рельсам птицей.

Зимой и летом слышен бодрый стук –
Напев колёс моих давно знакомый.
Поехали, поехали, мой друг,
Вперёд, пока горит фонарь зелёный!

Через Подкумок быстро пронесусь,

Бег вод его нас током обеспечил,
Привет, река!
На отмели мне гусь
Взмахнёт крылами, рад как будто встрече...

ЧАСТЬ 2

Рассказ эссентукского ветерана

– Я расскажу про грозные года.
Бывали времена и здесь лихие,
Когда война нагрянула сюда,
Пожаром полыхало пол-России.

Гремел далёкий фронт.
А провода,
Оборванные, висли;
и в разрухе,
Как призраки, стояли города,
Чернели окна, как глаза старухи.

Пять месяцев хозяйничал здесь враг,
Расположась, как хищник на привале.
Но в сорок третьем драпал резво так,
Что только пятки ног его сверкали.

Разбомблены вокзалы и пути,
И ГЭС в Эссентуках при отступлении
Враги взорвали, чтобы нанести
Вреда как можно больше в озлоблении.

Свидетели-мальчишки говорят,
Крутившиеся ненароком около,
Что стены ГЭС здесь так потряс снаряд,
Что в окнах вылетали всюду стёкла.

Война ещё своё творила зло.
Дымясь в руинах, корчилась Отчизна.
С Победой возрождение пришло,
Начало долгожданной мирной жизни.

Затягивали раны тополя,
Глазницы окон были, словно бельма,
Воронками изглодана земля,
Чернел руинами и Уголь Белый...

На ГЭС восстановление началось:
Таскали камни, гравий для плотины.
Бетон месить и детям довелось,
Трудились так, что надрывали спины...

Рабочий день – с восхода до зари,
За хлеб трудились взрослые и дети.
Командовал Морквин*⁷, он говорил:
«Я фронтовик, и я за вас в ответе!»

С питаньем плохо, но никто не ныл,
И рады требухе, что доставали.
Морквин на стройке кухоньку открыл –
Там жили, и обедали, и спали.

Машинный цех от щебня разгребли,
Нашли пластину,*⁸ что была помята,
В ней сказано, что ГЭС здесь возвели
Под руководством Фридмана. – И дата...

С тех пор пошла работа с огоньком.
Царёва помню – плотником был знатным,
И на все руки мастер. Мог легко
В любое дело впрячься безоглядно.

Примером был для малых и больших:
Подскажет и поможет всем. Пожалуй,
Остёр был на язык, в работе лих –
Его боялись, но и уважали.

Восстановили ГЭС с большим трудом,
Была нехватка леса и металла:
Из-под руин достав металлолом,
Его бригада в дело применяла.

При Фридмане трудился здесь казак,
А ныне сын на запряжённой «двойке»
Всем помогал. Хоть и старик, а как
Он тяжести возил для этой стройки!

«Езжай домой», – Морквин его просил,
Но гнал быков он, бодро понукая:
«Я при отце погонщиком служил,
Теперь, как он, я стройке помогаю...»

* * *

Вот, наконец, настал желанный срок,
Когда для победившего народа
Турбины закрутились, дали ток

⁷ Архип Тимофеевич Морквин – фронтовик-офицер, восстанавливавший Белоугольскую гидроэлектростанцию после освобождения от оккупантов

⁸ Медная пластина, найденная на развалинах ГЭС, гласила: «По проекту инженера-технолога С.М.Фридмана заложена гидроэлектростанция акционерным обществом <Сименс и Гальске> мая 11 дня 1903 года».

Больницам, санаториям, заводам.

Монолог агрегата

1.

– Мудрёным словечком я назван когда-то:
Электромотором, стальным агрегатом.
Рождён был в начале двадцатого века,
Я сердце стальное вручил человеку.

Работа простая, скажу я, однако:
Вращает турбину вода, – крутит якорь...
Не просто понять, кто не знает, откуда
Рождается ток – неприметное чудо.

А люди – волшебники, словно из сказки,
Включают рубильник, мир высветив в красках,
Мигают приборы в щитках аппаратной,
Размеренно песню поёт генератор.

Под током гудит электрический провод,
Давая нам свет –
на деревню, и в город.
По рельсам железным туда и сюда
Трамваи идут и бегут поезда.

Лишь в ночь погружается наша планета,
Дома наполняются ласковым светом.
Тепло и уют наступают повсюду,
Комфортная жизнь – к ней привыкнуть не трудно
2.

Я прошлым гордился, а нынче мне грустно:
Неужто, забвение – это по-русски?
Гиганты воздвигнуты электростанций,
И гидро-, и тепло- мерцают, как в танце.

Нам атом энергией мирною служит.
А я же забыт – людям больше не нужен...

Я дедушка – предок иных гидростанций,
Музейной реликвией стал называться.

Я пылью покрыт, всё ветшает, ржавеет,
Приборы молчат, моё сердце слабеет.

Токарный станок у стены тихо дремлет,
Сутулясь, вырастаю я медленно в землю.

Трепещет на солнце листва за окошком,

Деревья шумят за уснувшей сторожкой.

Забором от глаз я людских отгорожен,
Покой мой годами никем не тревожим...

Но верю, придут времена всё ж другие,
Вновь вспомнят о гордости прежней России.

И я, агрегат, сердце станции старой,
Услышу, что людям служил я не даром.

Стать маркой хочу для Отечества яркой,
У входа на ГЭС пусть возвысится арка,

На арке чтоб надпись сверкала под глянцем:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.